

© 2024. Н. Г. Коптелова

Костромской государственной университет
г. Кострома, Россия

Бартеневский след в творчестве А. И. Готовцевой

Исследование выполнено в Костромском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00058 «Поэтическое наследие А. И. Готовцевой: подготовка к научному изданию», <https://rscf.ru/project/24-28-00058/>

Аннотация: В статье показывается, какой след влияние Ю. Н. Барте-нева оставило в творчестве поэтессы А. И. Готовцевой. Характеризуются главные черты яркой, многогранной и противоречивой личности Барте-нева. Доказывается, что общение Готовцевой с Бартевым стало одним из значимых факторов ее творческого самоопределения и художественного развития. Анализируются стихотворные послания Готовцевой к Барте-ну, созданные в разное время, но свидетельствующие о том, что влияние наставника на поэтессу с годами не ослабевало. Отмечается, что барте-невский след в поэзии Готовцевой репрезентируется и в латентной форме. В качестве примера такой репрезентации рассматриваются стихотворения Готовцевой, отсылающие к личности и творчеству А. П. Хвостовой, входящей в ближайшее духовное окружение Бартенева («Хвостова, новый Прометей...» и «Камин»). Делается вывод о том, что воздействие Бартенева на многом сформировало литературный вкус Готовцевой, определило особен-ности ее аксиологии и поэтики.

Ключевые слова: А. И. Готовцева, Ю. Н. Барте-нев, А. С. Пушкин. А. П. Хвостова, поэзия, след, влияние, аксиология, поэтика.

Информация об авторе: Наталия Геннадьевна Коптелова, доктор фи-лологических наук, профессор, Костромской государственной универси-тет, ул. Дзержинского, д. 17/11, 156005 г. Кострома, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.02.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.02.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2024

Для цитирования: Коптелова Н. Г. Бартеневский след в творче-стве А. И. Готовцевой // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 38–73. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 38–73. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 38–73. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. **Nataliya G. Koptelova**
Kostroma State University,
Kostroma, Russia

Bartenev’s Trace in A. I. Gotovtseva’s Creative Work

Acknowledgments: This work was carried out at Kostroma State University with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00058 “The poetic heritage of Anna Ivanovna Gotovtseva: preparation for a scientific publication” (<https://rscf.ru/project/24-28-00058/>).

Abstract: The article shows how Yu. N. Bartenev influenced the work of poetess A. I. Gotovtseva. Bartenev appears as a bright, multifaceted, and contradictory person. The article proves that Gotovtseva’s communication with Bartenev became one of the significant factors in her creative self-determination and artistic development. The poetic messages of Gotovtseva to Bartenev were created at different times but indicate that the mentor’s influence on the poetess has not weakened over the years. The article notes that Bartenev’s trace in Gotovtseva’s poetry is also represented in latent form. As an example of such a representation, we consider Gotovtseva’s poems, which refer to the personality and work of A. P. Khvostova, who is part of Bartenev’s closest spiritual circle (“Khvostova, the new Prometheus...” and “Fireplace”). The article demonstrates that Bartenev’s influence largely shaped Gotovtseva’s literary taste and determined the peculiarities of her axiology and poetics.

Keywords: A. I. Gotovtseva, Yu. N. Bartenev, A. S. Pushkin, A. P. Khvostova, poetry, trace, influence, axiology, poetics.

Information about the author: Nataliya G. Koptelova, DSc in Philology, Professor, Kostroma State University, Dzerzhinskogo St., 17/11, 156005 Kostroma, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Received: February 02, 2024

Approved after reviewing: February 27, 2024

Published: March 25, 2024

For citation: Koptelova, N. G. “Bartenev’s Trace in A. I. Gotovtseva’s Creative Work.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024, pp. 38–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-38-73>

Костромичка А. И. Готовцева (1799–1871) первой среди современниц А. С. Пушкина выступила как профессиональный поэт на страницах периодических изданий. Ее публикации 1826–1829 гг. предварили появление в печати стихотворений Е. Ростопчиной, Е. Тимашевой, К. Павловой. Исследование творчества этой поэтессы было начато и проводилось долгое время исключительно в аспекте регионального литературоведения [Бочков 2002б], [Лебедев].

До настоящего момента историки литературы рассматривали имя Готовцевой в основном в связи с ее поэтическим посланием А. С. Пушкину, опубликованным в альманахе «Северные цветы» в последних числах декабря 1828 г., а также обращенными к ней произведениями А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова [Вацууро], [Чупринова: 47–57]. Но собственное творческое наследие провинциальной поэтессы, сосредоточенное в фондах РГАЛИ и ИРЛИ, как целостный феномен практически не изучено. Несколько стихотворений Готовцевой было воспроизведено в современных изданиях по текстам журнальных публикаций первой половины XIX в. Единственная публикация основного корпуса ее стихотворений [Готовцева 2005] не является научным изданием. Большая часть напечатанных стихотворений Готовцевой еще не была текстологически выверена, прокомментирована и не становилась предметом серьезного литературоведческого анализа.

Между тем личность и творчество Готовцевой заслуживают пристального внимания. Ведь неслучайно именно в письме к костромской поэтессе П. А. Вяземский формулирует ряд программных эстетических положений, характеризующих направление развития русской поэзии в конце 20-х начале 30-х годов XIX в. [Вяземский 1830]. Лирический диалог Готовцевой и Пушкина, предваренный «Стансами» Вяземского, ей посвященными, был опубликован А. А. Дельвигом в альманахе «Северные цветы на 1829 год» [Северные цветы: 178–182]. Он не только ознаменовал публичное явление женщины-поэта в пушкинском кругу

и символически обозначил рождение женской поэзии Золотого века. Это было подтверждением выхода литературного процесса в России на новый уровень, характеризующийся возникновением культурных центров в провинциальных городах, появлением в среде периферийной читающей публики авторов, достаточно самостоятельных, владеющих современным литературным языком, свободно ориентирующихся в общеевропейском эстетическом движении и при этом способных существовать в региональном культурном поле.

Творческая биография Готовцевой сигнализирует о переходе от эпохи, когда провинция была исключительно потребителем культурных новаций, к периоду, когда она превращается в источник творческих идей, когда региональные культурные центры начинают питать столицы. Актуальность изучения творчества Готовцевой и возможного пересмотра ее литературной репутации связана с очевидным стремлением современного литературоведения к выстраиванию более объемной картины развития отечественной словесности с учетом всего разнообразия локальных, периферийных явлений. В связи с этим необходимо подготовить к изданию научно выверенные тексты стихотворений Готовцевой, определить, какие из них являются оригинальными, а какие — переводами, подражаниями, выявить генетические и типологические связи лирики Готовцевой с европейской и русской литературой.

Целый ряд стихотворений Готовцевой содержит реминисценции и аллюзии, отражающие взгляд образованного провинциального дворянства на события литературной жизни. Истолкование этих стихотворений позволит уточнить представления о влиянии литературной полемики, журнальных споров на формирование региональных феноменов общероссийского литературного процесса. Объективная оценка наследия Готовцевой поможет полнее осмыслить роль литераторов пушкинского круга в распространении эстетических идей и в то же время оценить фактор «обратной связи» с широким кругом читателей для становления, творческой и духовной эволюции Пушкина и его ближайшего окружения. Об этом справедливо пишет А. Н. Романова в статье, намечающей некоторые методологические подходы к изучению творческого феномена Готовцевой [Романова].

При рассмотрении проблемы генезиса поэзии Готовцевой нельзя обойти тот факт, что главный импульс для творчества был дан ее на-

ставником и покровителем Ю. Н. Бартевым. Он был близким знакомым семьи Готовцевых, директором училищ Костромской губернии и Костромской гимназии. По сути дела, именно Бартев стал крестным отцом Готовцевой в литературе, вдохновителем многих ее творческих порывов. Благодаря ему состоялась большая часть публикаций поэтессы, которая была очень скромным человеком и не стремилась к обнародованию своих творческих опытов. По словам В. Н. Бочкова, даже те стихи, которыми Готовцева сама была довольна, она отдавала в печать «под сильным давлением Бартева» [Бочков 2002б: 144]. Именно он познакомил Готовцеву с Вяземским, который, по просьбе Бартева, охотно взял на себя роль ее литературного учителя и сразу же весьма доброжелательно стал опекать молодую поэтессу. Об этом факте с благодарностью пишет сама Готовцева. В письме к Вяземскому она с восторгом вспоминает «немногие часы», проведенные вместе с ним в доме «у почтеннейшего Юрия Никитича» [Вацуро: 109]. Наконец, как раз Бартев передал Вяземскому стихотворение Готовцевой, адресованное Пушкину, для публикации в альманахе «Северные цветы на 1829 год». Поэтому, прежде всего, необходимо выяснить, какой след влияние Бартева оставило в творчестве Готовцевой; установить, в какой форме выразилось это влияние и в какой мере оно определило особенности аксиологии и поэтики Готовцевой. Наконец, стоит понять, существовало ли стремление поэтессы преодолеть зависимость от своего литературного наставника и почему. В предложенной статье и будут представлены предварительные размышления, позволяющие подойти к решению данных вопросов.

В связи с обозначенными выше исследовательскими задачами возникает потребность всестороннего изучения и понимания личности и духовных исканий самого Бартева. Некоторые факты его жизненного пути приведены в работе В. Н. Бочкова [Бочков 2002а]. Ключевые вехи и разнонаправленные векторы духовных ориентаций Бартева очерчены также в одном из разделов монографии Ю. Е. Кондакова [Кондаков 2012]. И по сей день весьма ценным источником для изучения богатейшей биографии и творческой деятельности Бартева остаются материалы, опубликованные в третьей книге «Русского архива» за 1887 г. Они включают в себя отрывки из его дневников и фрагменты переписки с некоторыми выдающимися современниками (в частности, с Николаем I, А. Х. Бенкендорфом, А. Н. Голицыным, игу-

меном Филаретом, Ф. А. Голубинским, П. П. Свиныным и другими) [Юрий Никитич Бартечев].

Однако загадочная, многосоставная и противоречивая личность Бартечева еще не раскрыта до конца, поскольку его жизненный путь не реконструирован во всей полноте. «Обросший» разветвленными контактами и связями со многими яркими и выдающимися людьми своей эпохи, Бартечев проявил себя в самых различных сферах деятельности: педагогической, интеллектуальной, духовной и творческой. Он был участником Бородинского сражения, активно действующим масоном [Серков: 88], увлекался идеями розенкрейцеров [Кондаков 2011]. Бартечев состоял в масонской ложе «Умирующий сфинкс», был тесно связан с лидером русского масонства А. Ф. Лабзиным и женился на его воспитаннице. Он был преданным сподвижником Лабзина, помогал ему издавать журнал «Сионский вестник». Как отмечает Л. И. Сизинцева, Бартечев посещал и костромской кружок масонов, возглавляемый служащим Костромского приказа общественного призрения П. Н. Колюпановым и объединивший таких известных представителей Костромской губернии, как судиславский купец Н. А. Папулин; архитектор П. И. Фурсов; ректор семинарии, архимандрит Афанасий [Сизинцева: 74].

Кроме того, Бартечев был членом «Библейского общества» и входил в ближайшее окружение князя А. Н. Голицына, бывшего при Александре I обер-прокурором Св. Синода и министром Духовных дел и народного просвещения и вызывавшего откровенную неприязнь у Пушкина и Вяземского. В своих беспощадных эпиграммах оба поэта язвительно писали о Голицыне, усилившем давление цензуры и способствовавшем росту в России нездоровых мистических настроений, уводящих в сторону от коренной духовной почвы, православия (Пушкин высмеивал Голицына в стихотворениях «Вот Хвостовой покровитель...» (1824) и «Второе послание цензору» (1824), Вяземский — в своей «басне» «Цензор» (1822–1824)). Однако негативное отношение Вяземского и Пушкина к Голицыну, судя по всему, никак не распространялось на Бартечева¹, хотя тот, как известно, даже вел подробные записи «рассказов»

¹ Впрочем, Пушкин никогда не пытался «подвести к единому знаменателю» всех своих современников, тесно общавшихся с ненавистным ему Голицыным. Подобным образом он не испытывал отторжения и от являвшегося членом «Библейского общества» генерала И. Н. Инзова [Пыпин: 156], которого в письме к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. шутливо

своего высокого покровителя и активно стремился их опубликовать [Попов].

Примечательно, что в письме к Пушкину из Остафьева от 18 сентября 1828 г., в котором Вяземский отправляет Пушкину стихотворное «послание от одной костромитянки» и свои «Стансы», адресованные Готовцевой, он дает следующую ироничную и одновременно меткую характеристику Бартенева, выражая к нему нескрываемую симпатию: «А приписка Бартенева, умного, образованного и великого чудака, настоящего квакера» [Пушкин А. С. 1941: 27].

Конечно, расположение Вяземского к Бартеневу, а затем и к его питомице Готовцевой укрепляется и благодаря тому, что друг Пушкина считает их своими земляками (как известно, Вяземский владел имением в Костромской губернии — селом Красным-на-Волге). Так, 31 августа 1830 г. Вяземский вписывает в альбом Бартеневу стихотворение «Хотите ль Вы в душе проведать думы...» с пометой: «Любезному костромичу Юрию Никитичу Бартеневу от земляка» [Модзалевский 1910: 214]. А свое письмо от 29 марта 1832 г., обращенное к Бартеневу, Вяземский начинает словами: «Нет нам, батюшка Юрий Никитич, костромичам счастья» [Письма князя П. А. Вяземского: 283]. Высокая оценка нравственных качеств Бартенева выражается в просьбе, с которой к нему в том же самом письме доверительно обращается Вяземский: «Слепец и несчастный Козлов издает свои полные сочинения. Он живет и кормит семейство рифмами своими. Понаберите в Костроме несколько подписчиков, вот и подписной лист. Много просить мне Вас нечего: у Вас душа добрая и поэтическая. Я уверен в Вашем содействии» [Письма князя П. А. Вяземского: 283]. В конце этого письма Вяземский, на правах конфиденанта «поэтической Готовцевой», просит Бартенева передать ей «сердечное почтение» и называет поэтессу «товарищем» своего адресата [Письма князя П. А. Вяземского: 283].

Впоследствии в письме к Бартеневу от 23 февраля 1833 г. Вяземский юмористически конкретизирует мысль о многогранности личности своего костромского знакомого, о широте его кругозора, высказан-

называл «добрым мистиком» [Пушкин А. С. 1926: 88]. Пушкин нежно и уважительно относился также и к самому А. И. Тургеневу, входившему в ближайшее окружение Голицына и существовавшему в поле его духовного притяжения. Об этом свидетельствует, например, упомянутое письмо Пушкина к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. [Пушкин А. С. 1926: 88].

ную в письме к Пушкину от 18 сентября 1828 г. При этом, акцентируя уникальность Бартенева, сочетававшего в себе несовместимые черты и склонного к крайностям в своих духовных исканиях, Вяземский отчасти мифологизирует его психологический портрет: «Так ли, Ваше высокоблагородие, так ли почтеннейший Квакер-Беверлей, мистик, философ, классик, романтик и хиромантик, естествоиспытатель, первый чудодей по Костромской губернии и едва ли не третий, или много что четвертый по всей империи, и разве десятый по целому Божьему миру?» [Письма князя П. А. Вяземского: 285]. В перечне характеристик Бартенева, приведенных Вяземским, особенно парадоксально выглядит оксюморон «Квакер-Беверлей», перекликающийся с определением «настоящий квакер», которое, говоря о Бартеневе, Вяземский использовал уже в цитированном выше письме к Пушкину от 18 сентября 1828 г. [Пушкин А. С. 1941: 27].

«Квакером» Вяземский также называет Бартенева и в письме к своей жене от 5 марта 1832 г. [Вяземский 1951: 304]. Затем уже в письме к жене от 3 июня 1832 г. Вяземский вновь тепло вспоминает «костромского квакера», искренне интересуется о его судьбе, рассказывает о своих хлопотах по поиску для него нового места службы в столице:

Скажи Бартеневу-квакеру, что я, встретившись с Языковым, директором департамента по министерству просвещения, спрашивал его, отчего Бартенев еще не назначен директором гимназии. Он отвечал мне, что пока гимназии еще нет, дом не куплен, а потому и директор не назначается; других же препятствий по словам его нет. Между тем мне сказывали, что и к. Сергей Михайлович говорил министру о Бартеневе. А Бартеневу буду отвечать, когда узнаю, что обстоятельнее и вернее. Мне сказывали, что он не получил Адольфа. Вели спросить у Салаева, разве не посылал он несколько экземпляров в Кострому. Прошу передать все это Костромскому квакеру¹

¹ В современной Православной энциклопедии присутствуют следующие сведения о квакерстве, ставшем заметным фактором духовного влияния в России в эпоху царствования Александра I — «[англ. Quakers, от to quake — трястись, трепетать, содрогаться], протестантское религиозно-мистическое движение, отвергающее религиозные обряды и церковную иерархию. Согласно учению квакеров, через совместную практику безмолвной молитвы они достигают “внутреннего озарения”, а их жизнью непосредственным образом руководит Святой Дух. В отличие

вместе с моим низжайшим почтением» (В цитате сохранена орфография и пунктуация автора письма. — Н. К.) [Вяземский 1951: 379].

Исследуя религиозные тенденции, сформировавшиеся в эпоху правления Александра I, А. Н. Пыпин доказывает, что Голицын увлекался идеями английских квакеров¹ и даже молился «квакерской молитвой, ожидая сошествия святого Духа» [Пыпин: 131]. Это подтверждает и Ю. Е. Кондаков. В своей монографии он выстраивает пеструю картину религиозно-мистических исканий Голицына, поддерживавшего, в том числе и квакеров, и влиявшего на государственную политику как Александра I, так и Николая I [Кондаков 2023]. Несомненно, в круг этих религиозно-мистических исканий был вовлечен и близкий Голицыну Бартенев. По свидетельству Пыпина, он посещал тайное мистическое общество, созданное Е. Ф. Татариновой и впоследствии запрещенное [Пыпин: 139–140]. Членов этого общества, как указывает Кондаков, как раз и называли «русскими квакерами» [Кондаков 2012: 737–738].

Вторая часть оксюморона из письма Вяземского к Бартеневу — «Бевверлей» — отсылает к образу главного героя одноименной пьесы французского драматурга Бернара-Жозефа Сорена, переведенной актером И. Дмитриевским в 1773 г. и поставленной в России. В контексте пись-

от многих направлений англо-американского протестантизма XVII — XVIII вв. квакеры не придают культового значения бытовым формам поведения, объединяются в независимые религиозные организации, отличающиеся друг от друга вероисповеданием. Много внимания уделяют миротворчеству, придерживаются пацифистских взглядов» [Православная энциклопедия].

¹ Н. Л. Бродский в своем «Комментарии» к пушкинскому роману «Евгений Онегин» расшифровывает те строки из его восьмой главы, где светская молва примеряет на Онегина «маску» «квакера»: «Чем ныне явится? Мельмотом, / Космополитом, патриотом, / Гарольдом, квакером, ханжой / Иль маской щегольнет иной <...>» (Курсив мой. — Н. К.) [Пушкин А. С. 1977—1979. 5: 145]. Он справедливо связывает их с «Посланием к кн. Горчакову» (1819). По словам Бродского, в этом стихотворении поэт в иносказательной форме намекает на увлечение «квакерством» представителей высшей власти и искренне радуется тому, что не видит более «святых невежд, почётных подлецов, / И мистики придворного кривлянья!..» [Пушкин А. С. 1977—1979. 1: 336]. Комментатор этимологически соотносит слово «кривлянье», использованное Пушкиным, с английским словом «to quake», что означает «трястись» [Бродский: 165].

ма Вяземского, как и в эпиграмме Пушкина на писателя И. Е. Великопольского «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...» (1829) [Пушкин А. С. 1977–1979. 3: 108], образ Беверлея, спроецированный на личность Бартенева, интерпретируется в едином смысловом ключе. И у Вяземского, и у Пушкина в нем репрезентируется архетип карточного игрока [Путеводитель: 54].

Как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что Бартенеv был одним из образованнейших людей своей эпохи. Он не раз бывал в доме Вяземского, где встречался с Пушкиным. Исследователи установили, что контакты Бартенева с Пушкиным в доме Вяземского произошли 21 августа 1830 г., 30 августа 1830 г., 31 августа 1830 г. и 20 июня 1836 г. [Черейский]. Страстно влюбленный в отечественную словесность, и особенно в творчество Пушкина, Бартенеv смог собрать свой легендарный уникальный альбом с автографами многих писателей-современников, впоследствии подаренный им великому князю Константину Константиновичу Романову. Как указывает Б. Л. Модзалевский, в альбом Бартенева 30 августа 1830 г. Пушкин впервые записал свой сонет «Мадонна» [Модзалевский 1911: 22]. Через день, 1 сентября, поэт выехал в Нижегородскую деревню. В связи с этим Модзалевский подчеркивает следующий факт: «Несмотря на дорожные сборы и неразрывную с ними суету, он успел, однако, зайти накануне отъезда, к Юрию Никитичу Бартенеvu и вручить ему его альбом со своею записью» [Модзалевский 1911: 22–23]. В статье Модзалевского есть информация и о том, что «Бартенеv, в свою очередь, подарил Пушкину на память небольшую книжечку: “Pensées de Jean-Paul, extraites de tous ses Ouvrages; Par le traducteur des Suédois à Prague”, изданную в Париже в 1829 году¹, причем на шмуц-титule книжки собственноручно записал: “Знаменитому Пушкину, и Пушкину любимому на память от Бартенева. 1830 года 31-го августа. Москва”» [Модзалевский 1911: 23]. Примечательно, что Модзалевский, вполне солидаризируется с мнением П. И. Бартенева, впервые опубликовавшего пушкинское стихотворение «Мадонна» по автографу из альбома Бартенева в «Русском архиве» в 1863 г. Он пишет: «Как выбор стихотворения, записанного Пушкиным, так и выбор книжки, подаренной поэту Бартеневым, впол-

¹ Книга, подаренная Бартеневым Пушкину, представляла собой французскую антологию афоризмов немецкого поэта-философа и моралиста Жана Поля [Коренева: 142].

не соответствуют духовному облику последнего, так как он, действительно, был, как выразился о нем П. И. Бартенев, “с любовью предан религиозному созерцанию” [Модзалевский 1911: 23].

Модзалевский указывает на то, что возникшую ситуацию следует воспринимать как обмен Пушкина и Бартенева литературными текстами-посланиями, имеющими религиозный код, как их потаенный диалог о сакральном. Записывая в альбом Бартеневу свою «Мадонну», Пушкин, словно стремился акцентировать религиозную грань своего миропонимания, дистанцируясь от «Гаврииады». А Бартенев намеренно подарил ему афоризмы немецкого писателя Жана Поля, попадающие в «болевые точки» сознания великого поэта. Современные пушкинисты выявили, что высказывания Жана Поля стали предметом творческой рефлексии Пушкина. Они преломились в ряде его произведений, имеющих разную жанровую природу: в повести «Барышня-крестьянка» (1830), в незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» (1833), а также в заметке «Последний из свойственников Иоанны д’Арк» (1836–1837), ставшей последним творением великого русского поэта [Коренева: 142].

Помимо автографа пушкинского стихотворения «Мадонна» в альбоме Бартенева сконцентрировалось огромное количество бесценных записей, ставших важными источниками для изучения русской литературы XIX в. [Модзалевский 1910]. Свое место в нем занимают и стихотворения А. И. Готовцевой, а также ее племянницы Ю. В. Жадовской [Модзалевский 1910: 213–214].

Но какой же след общение с Бартеневым оставило в творчестве Готовцевой? Ответ на этот вопрос следует искать, прежде всего, в двух стихотворных посланиях, посвященных Бартеневу и написанных поэтессой в разное время. Симптоматично, что созданный в них образ костромского педагога предстает совершенно иным, нежели в письмах Вяземского. В обоих произведениях его облик лишен каких-либо сниженных и противоречивых черт, но явно возвышен и романтизирован. Так, в первом стихотворном послании юной поэтессы «К Ю. Н. Бартеневу» (1828), опубликованном в «Северных цветах на 1829 год» одновременно с посланием А. С. Пушкину, создается идеализированный образ наставника, мудрого и деликатного. В этом произведении Бартенев предстает настоящим властителем дум, умеющим деликатно побудить ученицу к поэтическому творчеству. Примечательно, что

в данном послании истоки и смысл своего лирического самовыражения Готовцева связывает исключительно с влиянием личности Бартенева, называя главной наградой его «благосклонный взор»:

В безвестной тишине забытая всем светом,
Я не хочу похвал, ни славы быть поэтом;
Но заслужить стремлюсь ваш благосклонный взор,
И помня ласковый и тонкий ваш укор,
Беспечность праздную и лиры сон глубокий
Я перервать хочу — фантазией жестокой.
Забытый гений мой в стесненьи исчезал;
Но ваш призывный глас ему жизнь нову дал [Северные цветы: 29].

Юная поэтесса воспринимает Бартенева как духовного наставника, способного «пересотворять» внутренний мир его слушателей. Его уроки-беседы она характеризует как моменты чудесного преображения собственной души, которая после общения с учителем становится способной на земле чувствовать присутствие вечного:

И кто, внимая вам, в порыве упоений,
К добру, к изящному не чувствовал стремлений?
Я помню чары сих пленительных бесед,
Когда, забыв пиры, забавы, шумный свет,
Я в храме мудрости душою отдыхала
И сердца пустоту высоким заменяла;
Привет ваш озарял неопытный мой ум,
В порядок приводил хаос незрелых дум
И, трудностей стезю цветами украшая,
Учил и на земле вкушать блаженство рая! [Северные цветы: 29–30].

Готовцева искренне восхищается педагогическим мастерством и артистизмом Бартенева, сумевшего не просто приобщить ее к миру истории и литературы, но словно магически оживить его. Восторг поэтессы связан главным образом с тем, что этот условный, «отраженный» мир, воплощенный в творениях Карамзина и Гомера, благодаря рассказам учителя, стал казаться ей второй реальностью:

Забуду ль сих минут святую тишину,
Когда преданья лет, седую старину
Вы слуху моему — душе передавали
И новый блеск перу Карамзина давали;
Экзаметр Гнедича на сердце не потух —
Вы ум растрогали, очаровали слух,
И Андромахи стон и бешенство Ахилла
Душа читателя с Гомером разделила [Северные цветы: 29–30].

В контексте обширного послания Готовцевой к Бартеневу концептуально значимо восьмистишие, где поэтесса очерчивает собственную поэтологию, явно усвоив «уроки» своего наставника и приняв предложенную ей систему ценностей. Философская концепция творчества, намеченная Готовцевой, антиномична. Очевидно, она соотносится с религиозно-нравственными представлениями поэтессы, восходящими к христианской традиции. Готовцева противопоставляет поэтов, чье творчество имеет божественную природу, тем авторам, которых она называет «падшими ангелами», подчинившими свои произведения демоническим порывам. Эти писатели, по ее мнению, утратили духовную высоту и предали свой «гений», то есть свой творческий дар, данный Богом:

Поэты русские, о слава наших дней!
Не истребитесь вы из памяти моей:
Я чувства чувствами, мечту мечтой сменяла,
Когда язык богов из уст златых внимала.
И вы!.. Но с грустию я отвращаю взор
От падших ангелов: их гений им укор <...> [Северные цветы: 30].

Их недолговечная слава сравнивается Готовцевой с мгновенно пролетевшей «грозной кометой», приносящей в мир разрушительную энергию: «Их слава, промелькнув, как грозная комета, / Затмила блеск звезды — и умерла для света!..» [Северные цветы: 30]. В этом сравнении содержится отголосок древних мифологических представлений, согласно которым комета обычно предвещает грядущие бедствия и катастрофы [Трессидер: 158]. Однако в интерпретации Готовцевой семантика образа «грозной кометы» включает и отчетливую апокалиптическую коннотацию (Откр. 8: 10–11).

Показательно, что эту аксиологическую шкалу, явно воспринятую от Бартенева, Готовцева проецирует и на свое послание к А. С. Пушкину («А. С. П.»), напечатанное в том же номере «Северных цветов» и диалогически перекликающееся с рассматриваемым стихотворением. Своеобразной скрепой, определяющей смысловую связь этих произведений, становятся почти буквально совпадающие строки. В послании к Ю. Н. Бартеневу читаем: «Поэты русские, о слава наших дней!» [Северные цветы: 30]. А вот начало стихотворения, адресованного Пушкину: «О Пушкин, слава наших дней <...>» [Северные цветы: 180]. Однако, ориентируясь на аксиологические критерии, обозначенные в послании к Бартеневу, в творчестве первого поэта России Готовцева также видит если и не антагонизм, то внутренний конфликт. Пушкин в ее характеристике, с одной стороны, предстает «поэтом, любимым небесами» [Северные цветы: 180], с другой стороны, поэтесса мягко намекает на слабости и нравственные огрехи, проявившиеся в творческом поведении «гения»: «Но где же совершенство? / В луне и солнце пятна есть!» [Северные цветы: 181].

Как известно, «недосказанный упрек» Готовцевой [Северные цветы: 182] уязвил и заинтриговал Пушкина. По мнению исследователей, он был вызван к жизни желанием поэтессы оспорить нелицеприятные суждения о женщинах, содержащиеся в пушкинских «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», опубликованных в «Северных цветах на 1828 год» [Вацуро: 108], [Романова: 68–69]. При этом в полемическом диалоге с Пушкиным Готовцева отстаивала не только достоинство женского пола, но и свое право быть творцом, поэтом. Хотя, вполне вероятно, что в подтексте женского намека Готовцевой подразумевалась и пушкинская «Гаврилада». О ней поэтесса могла слышать от Бартенева¹, получившего информацию от близкого ему князя Голицына².

¹ Судя по всему, Бартенева интересовал вопрос о религиозности мирозерцания Пушкина. Неслучайно через три дня после гибели великого поэта (30 декабря 1837 г.) он зафиксировал в своих «Записках» рассказы Голицына не только о стихотворном ответе Пушкина Филарету, но и об эпизоде расследования, связанного с «Гавриладой»: «Отзыв князя о Пушкине. <...> Гаврилыда Пушкина. Отпирательство Пушкина. Признание. Обращение с ним Государя. — Важный отзыв князя, что не надобно осуждать умерших» [Рассказы: 327].

² Наряду с В. П. Кочубеем и П. А. Толстым А. Н. Голицын входил в созданную Николаем I специальную комиссию по расследованию «доноса» о «Гавриладе» [Модзалевский 1928: 299].

Однако принципиально то, что, сохраняя в послании к Пушкину систему аксиологических координат, обозначенную в стихотворении, адресованном Бартеневу, Готовцева выражала свою творческую позицию по-женски деликатно и дипломатично. Она свела на нет пафос инвективы, которым были пронизаны строки о поэтах, названных ею «падшими ангелами», и в послании к Пушкину заменила их интонацией великодушной кротости, подчеркивая христианскую по своей природе способность женской души бесконечно любить и прощать:

Несправедлив твой приговор;
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор [Северные цветы: 181].

Важно то, что в завершающих строках послания к Пушкину, как и в последней строфе первого послания к Бартеневу, Готовцева не просто транслирует женский взгляд на мир, человеческие отношения и поэтическое творчество, но объективно утверждает его как средоточие высших духовных ценностей. Даже написание стихов она воспринимает как момент благодарного женского самоотречения, как отказ от эгоцентризма художника: сам порыв поэтического вдохновения она посвящает «в дар» своему наставнику:

Так часто, в тишине беседа с собой,
Я воскрешаю даль минувшего мечтой;
И в сердце разбудив к изящному стремленье,
Вам посвящаю в дар досуг и вдохновенье [Северные цветы: 31].

В своей лирической исповеди Готовцева описывает глубоко интимный момент творчества, характеризуя столь желанное для любого поэта психологическое состояние — таинственный приход вдохновения. По признанию поэтессы, для нее истоки поэтического вдохновения связаны главным образом с эмоциональным переживанием движения времен года, с постижением изменчивого мира природы:

Оно являлось мне весною на лугах,
То в песнях соловья, то в радужных цветах,

То в отблеске луны и в тишине природы,
То в мрачной осени и в бурях непогоды [Северные цветы: 31].

Готовцева говорит и о стихийном, непредсказуемом характере вдохновения, способного покинуть творца или уйти в потаённые уголки его подсознания: «Но своевольный гость, являясь, исчезал, / Он в глубине души прибежища искал...» [Северные цветы: 31]. Но разбудить вдохновение ученицы может только поддержка доброжелательного наставника: «И там, взлелеянный отрадой вспоминанья, / Надеется и ждет — улыбки и вниманья» [Северные цветы: 31]. В конечном счете, в этом стихотворении звучит настоящий гимн наставничеству в литературе. Путь в поэзию, по мысли Готовцевой, немислим без руководства мудрого учителя, каким и предстает в ее сознании Бартенеv. Именно тесное общение с ним характеризуется поэтессой как высшая духовная ценность, к которой она стремится. Показательно, что тема ученичества в литературе, прозвучавшая в послании к Бартенеvu и едва ли не впервые заявленная Готовцевой в женской лирике первой половины XIX в., впоследствии будет наследована поэтессами Серебряного века, знаменовавшими высшие достижения женского художественного творчества: М. И. Цветаева создаст поэму «Чародей» (1914), циклы «Вячеславу Иванову» (1910) и «Ученик» (1921), А. А. Ахматова напишет стихотворение «Учитель» (1945). Эта тема станет также константой всей русской поэзии и войдет в фонд художественной преемственности отечественной словесности в целом.

Второе послание Готовцевой к Бартенеvu было написано в 1850 г., то есть через двадцать два года после создания рассмотренного выше стихотворения. Как отмечают костромские краеведы В. Н. Бочков [Бочков 2002б: 152] и Е. В. Сапрыгина [Сапрыгина: 13], Готовцева специально ездила в Москву, чтобы встретиться со своим давним другом и наставником. В его знаменитый альбом поэтесса и записала свое последнее датированное стихотворение «Вечер на 17 сентября 1850 года (Посвящается Ю. Н. Бартенеvu)». В качестве эпиграфа ему была предпослана фраза на французском языке: «Je suis poète lorsque j'admire» [Готовцева 2005: 54]. Это — усеченная цитата реплики главной героини из романа французской писательницы Жермены де Сталь «Коринна, или Италия», впервые опубликованного в

1807 г¹. Романтический по природе образ Коринны занял значимое место в русском литературном сознании. Как отмечает М. Н. Черневич, он стал для многих читателей романа французской писательницы символом самостоятельно мыслящей, художественно одаренной женщины, стремящейся не только к возвышенным идеалам, но и к личностной самореализации [Черневич: 404]. Известно, что мимо образа Коринны не прошел и Пушкин, активно интересовавшийся творчеством Жермены де Сталь [Томашевский, Вольперт: 318].

Таким образом, осваивая образ героини из романа мадам де Сталь, Готовцева находилась в русле общих тенденций развития русской литературы первой половины XIX в. Выбирая ко второму посланию Бартеневу в качестве эпитафии реплику Коринны, она отчасти отождествляла с нею себя. Готовцева, по сути, вживалась в образ героини, которая не могла существовать без того, чтобы выражать свои мысли и чувства в музыке и в поэзии. В результате через эту ассоциативную параллель русская поэтесса обозначала ключевые для себя ценностные ориентации. В то же время соотнесение личностного «я» Готовцевой с образом Коринны² свидетельствовало об определенном усложнении и трансформации ее поэтической системы: оно сигнализировало о движении к принципу «лирической маски», который окончательно утвердился в творчестве авторов Серебряного века.

Выбором данного эпитафия Готовцева мягко, с помощью тонкого намека, как это было ей свойственно и ранее в поэтическом диалоге с Пушкиным, акцентировала и частичную полярность своей философской позиции размышлениям о природе и смысле поэтического творчества, представленным в монологе Коринны. В произведении мадам де Сталь высказывание из монолога героини выглядит следующим образом: “Je suis poëte lorsque j'admire, lorsque je méprise, lorsque je bais, non par des sentimens personnels, non pour ma propre cause, mais pour la dignité de l'espèce humaine et la gloire du monde” [Staël-Holstein: 95].

¹ О пристальном интересе Готовцевой к французской литературе говорит и тот факт, что одной из ее первых публикаций стал перевод элегии А. де Ламартина «Одиночество» в журнале «Сын Отечества» за 1826 г. [Готовцева 1826].

² Впоследствии аналогичный прием использует и М. И. Цветаева. В стихотворениях 1916 и 1920 гг., подобно Готовцевой, она проецирует образ Коринны на свои лирические переживания [Быстрова: 150–151].

Дословно этот фрагмент можно перевести так: «Я поэт, когда я восхищаюсь, когда я презираю, когда я ненавижу, не из моих личных чувств, не по моим личным причинам, но для достоинства человечества и славы мира» (Перевод автора статьи. — Н. К.). А вот один из первых русских литературных переводов этого отрывка из монолога Коринны (без указания имени переводчика): «Я бываю тогда только Поэтом, когда удивляюсь, презираю и ненавижу, не по личным чувствованиям, не за собственное своё дело, но за превосходство человеческого рода и славу мира» [Сталь: 114–115]. Как видим, в своем эпиграфе к посланию Бартенеvу Готовцева решительно отсекла из монолога Коринны глаголы «презираю» и «ненавижу». И произошло это не только потому, что упомянутые слова никак соотносились для нее с личностью адресата, но и потому, что ее творческая индивидуальность, во многом воспитанная и направляемая тем же Бартенеvым, абсолютно исключала выражение в поэзии психологических состояний, соотносимых с подобными лексемами.

Как и в первом послании Готовцевой к Бартенеvу, в стихотворении 1850 г. так же органически соединяются установки на исповедальность и интимность. Поэтесса признает, что с течением лет влияние Бартенева на ее душу ничуть не ослабело. Она восторгается даром красноречия своего учителя. Его слово, возвращая радостные мечты молодости, по-прежнему завораживает и вдохновляет автора послания:

Что за чудное влияние
Ты имеешь на меня?
Я счастлива без сознания,
Когда слушаю тебя.

Увлекательная сладость
Твоих пламенных речей
Обновляет жизни младость
И мечты прошедших дней [Готовцева 2005: 54].

Еще в «Стансах», адресованных Готовцевой и опубликованных в «Северных цветах» в 1828 г., Вяземский не просто восхищался ее женским очарованием, но пронизательно характеризовал природу ее поэтического таланта, реализующегося как отклик на чье-то вдохнове-

ние, как ответ и рефлексия на творческий феномен другого. Он писал: «Вы захотели примирить / Существенность с воображеньем; / За вдохновенень вдохновеньем, / За песни песнями платить» [Северные цветы: 179].

Готовцева высоко оценивает и способность Бартенева интуитивно проникать, вживаться в мир переживаний другого человека:

Ты угадываешь чувство,
И в душевной глубине
Твое дивное искусство
Покоряет все вполне [Готовцева 2005: 54].

Однако при сопоставлении двух стихотворных посланий Готовцевой к Бартеневу становится очевидным и их принципиальное смысловое различие. Если в стихотворении, написанном в 1828 г., все образы и мотивы подчинены доминирующей теме поэтического творчества и вдохновения, то во втором послании эта тема во многом уведена в подтекст и открыто звучит только в эпиграфе к произведению. В стихотворении 1850 г. явно усиливается степень лирического обобщения. Трансформируется в нем и сам образ наставника: из учителя, приобщающего свою ученицу к миру литературы и вдохновляющего ее на поэтическое творчество, он превращается в религиозного проповедника, проводника в сферу высоких мистических идеалов, позволяющего его слушательнице почувствовать близость Бога:

Ум твой пламенно, широко
Светом истины горит
И таинственно глубоко
Мне о небе говорит.

Без печали, без смущенья
За тобой, оставя прах,
В область мир и спасенья
Уношусь в святых мечтах [Готовцева 2005: 54].

Пока трудно сказать, насколько Готовцева была осведомлена об особенностях и нюансах религиозно-мистических исканий Бартенева, но

рассматриваемое стихотворение свидетельствует о ее полном доверии к тем духовным ценностям, которые открываются для нее благодаря наставнику. Послание Готовцевой к Бартенеvу 1850 г. завершается мотивом искренней, лично окрашенной молитвы:

Хорам ангелов внимая,
Я молю творца начал,
Чтобы в сладких песнях рая
Мне твой голос прозвучал [Готовцева 2005: 54].

Образ «хоров ангелов», вынесенный Готовцевой в финал стихотворения коррелирует с парадигмой западноевропейской культуры. Хотя в мировом искусстве этот широко используемый символ реализуется в разных смысловых контекстах. Он встречается, например, в известной в пушкинское время балладе английского поэта-романтика, представителя «озерной школы» С. Т. Кольриджа «Сказание о старом мореходе» (“The Rime of the Ancient Mariner”) (части 5 и 6) (1798), где вписан в мистико-фантастический сюжет. В свою очередь, в трагедии И. В. Гёте «Фауст» (1808, 1832), имевшей колоссальное воздействие на русскую литературу первой половины XIX в., «хор ангелов» в первой сцене первой части символизирует борьбу божественных сил за душу главного героя произведения. Но полагаем, что возможен и иной, интермедийный путь проникновения образа «хоров ангелов» в стихотворение Готовцевой. Как и в стихотворении Вяземского «Пред хором ангелов Сесилия святая...» (1810–1823), аутентичный текст которого доказательно смогла установить К. А. Кумпан, названный символ в послании Готовцевой к Бартенеvу может иметь экфрастическую природу. Иными словами, он может восходить «к знаменитой алтарной экспозиции Рафаэля “Святая Сесилия”, хранящейся в Болонской пинакотеке» и часто репродуцированной в начале XIX в. «в виде гравюр и литографий» [Кумпан: 244].

Итак, несмотря на эволюцию представлений о личности Бартенева, наблюдаемую в рамках рассмотренных стихотворных посланий Готовцевой, образ лирического адресата сохраняет устойчивые черты. В обоих произведениях Бартенеv характеризуется как наставник, утверждающий для своей «ученицы» ключевые ценностные приоритеты: это — художественное творчество, мечты, вдохновение и вера

в Бога. Неслучайно в том и другом посланиях возникает образ рая как метафора высшей духовной гармонии, постигаемой поэтессой благодаря учителю: «Учил и на земле вкушать блаженство рая!» [Северные цветы: 30]; «Чтобы в сладких песнях рая / Мне твой голос прозвучал» [Готовцева 2005: 54].

Бартеневский след в поэзии Готовцевой репрезентируется и в латентной, опосредованной форме. Примером такой репрезентации могут быть стихотворения Готовцевой, отсылающие к творчеству А. П. Хвостовой (урожденной Херасковой) — личности яркой и весьма противоречивой. Эти произведения в наследии костромской поэтессы могли появиться только с подачи Бартенева. Как и Бартенев, Хвостова входила в ближайшее окружение князя Голицына («Он Хвостовой покровитель» — так Пушкин начал свою известную эпиграмму на князя Голицына) и Лабзина [Костин 2010: 338–339], [Костин 2011]. Она также тесно общалась с баронессой В.-Ю. Крюденер, состояла в созданном ею тайном мистическом «обществе мечтательниц»¹ [Пыпин: 385–386]. Отклонившись от православного миропонимания, Хвостова сосредоточилась на идее выстраивания «внутренней церкви». Она создавала и пропагандировала свою индивидуально-авторскую, далекую от канонических представлений, ангеологию. Картина мира, отразившаяся в ее сочинениях, как указывает Ю. Е. Кондаков, отчасти напоминала воззрения Я. Бёме [Кондаков 2012: 728]. Как сподвижница Крюденер, Хвостова была выслана из Петербурга в 1823 г. Но она всегда оставалась одним из духовно близких Бартеневу людей [Юрий Никитич Бартенев: 402, 619]. Бартенев навещал Хвостову в Киеве, куда опальная писательница уехала из Петербурга. В течение всей жизни он вел с ней активную переписку, всегда интересовался ее религиозно-мистическими исканиями и поддерживал их. В альбоме Бартенева есть фрагмент, в 1834 г. записанный рукой Хвостовой [Модзалевский 1910: 203–205]. Бартенев вдохновил ее и на создание заметок мемуарного характера под самоироничным названием «Мои бредни», которые писательница ему и посвятила [Костин 2010: 338–339], [Костин 2011: 506–514].

Разумеется, многоаспектная проблема восприятия Готовцевой личности и творчества Хвостовой требует специальной разработки.

¹ Как отмечает Е. П. Гречаная, Хвостова была «культурным двойником» баронессы В.-Ю. Крюденер [Гречаная: 20].

В рамках данной статьи мы представим только предварительные размышления, касающиеся этого вопроса.

Показательно, что в кратком и емком четверостишии «А. П. Х» (точная дата его пока не определена) Готовцева создает творческий портрет Хвостовой:

Хвостова, новый Прометей,
Похитила огонь небесный,
Зажгла им свой камин чудесный
И — ах — сокрылась от людей [Готовцева 2005: 30].

Личностную сущность Хвостовой поэтесса раскрывает через переосмысление образа Прометея, героя древнегреческого мифа, чье имя, по сведениям А. Ф. Лосева, означает «мыслящий прежде», «предвидящий» [Лосев: 337]. Как известно, этот символ был использован не только Эсхилом в его трагедии «Прометей прикованный», но и активно осваивался в мировой литературной традиции, обретая разное смысловое наполнение в произведениях как европейских (Боккаччо, П. Кальдерона, Вольтера, И. В. Гёте, Дж. Байрона), так и русских писателей. К образу Прометея в поэзии, в частности, обращались такие современники Готовцевой, как В. К. Кюхельбекер, Е. А. Баратынский, Н. Ф. Щербина, В. Г. Бенедиктов.

В трактовке Готовцевой через отождествление Хвостовой с «новым Прометеем» акцентируется, прежде всего, творческая дерзость, духовная стойкость, сила воли героини стихотворения, нарушающей общепринятые запреты, готовой к страданиям и самопожертвованию во имя похищения «небесного огня». В иносказательном контексте стихотворения выражение «огонь небесный» становится знаком творческого вдохновения, прихода которого женщина-писательница не ждет покорно и смиренно, но, подобно Прометею, по своей инициативе тайно завладевает им, «похищает» его у божественных сил. По жанровой природе стихотворение Готовцевой близко к мадригалу, комплименту, но одновременно оно и очень иронично, остроумно, афористично по форме. Причем в строках «Зажгла им свой камин чудесный / И — ах — сокрылась от людей» заключена метафорическая аллюзия, отсылающая не только к личной судьбе высланной из Петербурга Хвостовой, ведающей в Киеве отшельнический образ жизни, но даже к названию и

сюжету одного из самых известных ее литературных произведений — к прозаическому этюду «Камин». О необыкновенной популярности «Камина» говорит тот факт, что поначалу это произведение в русской читающей среде распространялось в списках [Костин 2010: 335]. Затем этот прозаический этюд Хвостовой был опубликован в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» за 1795 г. [Хва — а]. Он неоднократно переводился и на другие языки (правда, все переводы были изданы в Москве).

Намек Готовцевой на прозаический этюд «Камин», принадлежащий перу Хвостовой, содержащийся в процитированном четверостишии, конечно, не случаен. Он предваряет одноименное стихотворение Готовцевой, представляющее собой поэтическое переложение произведения Хвостовой¹. Не претендуя на детальное сопоставление этюда Хвостовой и стихотворения Готовцевой, все же отметим, что их сближает лирическая природа. Этюд Хвостовой по своему образно-речевому строю по многим параметрам уже тяготеет к поэтической речи, в нем отчетливо ощутимо ритмическое начало. Тем не менее, переводя прозаический «Камин» Хвостовой в собственно поэтический регистр, Готовцева еще на шаг приближается к модели ролевой лирики. Как и в случае с освоением образа Коринны из романа мадам де Сталь во втором послании к Бартеневу, она по-своему перевоплощается в героиню Хвостовой, стремится передать мир ее переживаний, вжиться в ее мировосприятие, очертить круг ее ценностных ориентаций.

Подобно Хвостовой, поэтесса ведет лирическое повествование в тональности, окрашенной меланхолией, характерной для поэтики сентиментализма. Готовцева сохраняет все звенья лирического сюжета, развернутого в «Камине» Хвостовой. Героиня ее стихотворения, имеющего достаточно большой объем и тяготеющего к жанру поэмы, так же, как и в этюде Хвостовой, предельно одинока и отвергнута людьми. У Хвостовой читаем:

Не я изломила кольцо, которое к общей цепи творений меня присоединяло. Бог видел, как я хотела любить всех людей, как искренно простирала к ним сердечные объятия, требуя от них одной любви, дружбы

¹ Бочков предполагает, что «Камин» — это одно из последних стихотворений Готовцевой [Бочков 20026: 152–153].

или по крайней мере сожаления; но они не понимали, не слушали меня» [Хва – а: 70].

А в поэтическом преломлении Готовцевой рефлексия лирической героини, отчужденной от людей, представлена таким образом:

Не я расторгнула ту цепь, меня что с миром соединяла.
Всевышний душу знал мою, он знал, как я любить желала.
Но люди нежной мой привет с улыбкой хитрою встречали.
На искренний сердечный зов умом коварным отвечали [Готовцева 2005: 55].

А. А. Костин отмечает что в «Отрывке» Хвостовой использована «масонская топка» [Костин 2010: 335]. В качестве иллюстрации своего тезиса исследователь приводит следующую строку: «Не я изломила кольцо, которое к общей цепи творений меня присоединяло» [Костин 2010: 335]. В процитированной Костиным фразе можно видеть отсылку к ключевому для масонов символу цепи, олицетворяющему всечеловеческий союз «братьев». Пока трудно сказать, осознавала ли Готовцева скрытое значение осваиваемого ею в стихотворении образа, весьма значимого не только для Хвостовой, но и для Бартенева. Однако, так или иначе, в своем лирическом переложении она сохранила его художественные контуры («Не я расторгнула ту цепь, меня что с миром соединяла» [Готовцева 2005: 55]).

В «Отрывке» Хвостовой уже обозначается романтический по своей сути конфликт героини с миром настоящего, который она решительно покидает, на крыльях мечты и воображения преодолевая времена и пространства. Точкой отправления в инобытие для героини Хвостовой и становится камин:

Теперь сижу в уединении, вблизи моего камина. Даю свободный полет воображению <...>. Оставляю нечувствительность мир сей населяющую; отдаю себя на произвол милым мечтам и лечу, куда — сама не знаю [Хвостова: 71].

В свою очередь, Готовцева достаточно точно следует за логикой повествования Хвостовой:

Сию одна, безмолвно все!.. В камине огонек мелькает,
И мысль крылатая везде себе преграды не встречает.
Что было, есть, что может быть — в уме я живо представляю,
И милым мне мечтам вослед лечу, куда сама не знаю [Готовцева 2005: 55].

И в «Отрывке» Хвостовой, и в стихотворении Готовцевой героиня в своих мечтах сначала посещает Киево-Печерскую лавру — одну из главных христианских святынь России. В своем лирическом описании Готовцева сохраняет все главные пространственные приметы святого места, обозначенные в «Камине» Хвостовой [Хвостова: 71–72]: она рисует «песчаный берег» Днепра; «блеск Печерских глав»; «крест спасенья», водруженный Андреем Первозванным; рельефную фигуру «ангела с светлыми лучами», расположенную в стенной нише купола и повёрнутую в сторону Успенского собора (была создана во второй половине XVIII века) [Готовцева 2005: 55–56]. Как и в произведении Хвостовой, в этой композиционной части стихотворения Готовцевой доминируют мотивы спасительной христианской веры и соборности, к которой приобщается героиня. В повествовании Хвостовой этот эпизод окрашивается предельной сентиментальностью: «Я отираю слезы, смотрю далее и вижу *Крещатик*, вижу воду, вижу берег, с которого тысячи людей в одну минуту, одним словом, единому Богу поклонились» [Хвостова: 71–72]. Готовцева же сжимает претекст: сокращает избыточную детализацию прозаического «Отрывка». Причем в этой части стихотворения она более лаконично и сдержанно, по сравнению с «Камином» Хвостовой, выражает религиозные чувства героини: «Я вижу берег, где тьма людей в единократное мгновенье. / Единым словом Божеству приносит веры поклоненье» [Готовцева 2005: 56].

И в этюде Хвостовой, и в стихотворении Готовцевой рассказ о посещении героиней Киево-Печерской лавры завершается строками, в которых присутствуют мотивы, восходящие к 148 псалму (Псалтирь. Псалом 148). В «Камине» Хвостовой реминисценция с этим ветхозаветным текстом выражена следующим образом: «Лазоревый свод небесный над глазами их разверзся. И хор светлых Ангелов тихо пел: *Един свят, един Господь*» [Хвостова: 72]. В случае Готовцевой, наоборот, перифраз псалма подан в более эмоциональном ключе, о чем сигнализирует использование восклицательного знака в конце строки. Причем связь заключительных строк этого фрагмента стихотворения

с ветхозаветной традицией усиленно подчеркивается и использованием слова «Иегова» как синонима слова «Господь»: «О чудо! Ясный неба свод разверзся, и хор дивный / Воспел Иегове: «“Един свят, един Господь всемирный!”» [Готовцева 2005: 56].

Затем воображение переносит героиню Хвостовой и Готовцевой в Финляндию, которая предстает унылой, сумрачной страной, где страдает обездоленный, измученный работой многодетный земледелец [Хвостова: 72]. И в том, и в другом произведениях путешественница не только сочувствует финну, подавленному безысходностью и нищетой, но она словно и сама заражается от пространства «Финляндии угрюмой» [Готовцева 2005: 56] отчаянием и пессимизмом. У Хвостовой: «<... > смотрю уныло на обширные поля, одними камнями засеянные. Там брожу печально по неплодной земле; спрашиваю: за что не дает она пищи бедному земледельцу, ее одну в свете утешительницей имеющему?» [Хвостова: 72]. В стихотворении Готовцевой читаем: «Брожу уныло по полям одна, с тоской и черной думой. / Увы! Оратый в сих местах вотще трудится, ждёт отрады — / Природы он немилый сын, повсюду камни, нет награды» [Готовцева 2005: 56]. В ее поэтической трансформации процитированные строки Хвостовой переключаются в регистр возвышенной архаики: так, вместо лексемы «земледелец» Готовцева использует вышедшее из активного употребления слово «оратый». Этот прием усиливает трагическое звучание фрагмента.

Но, тем не менее, героини Хвостовой и Готовцевой испытывают теплые чувства к суровой природе Финляндии и даже одушевляют ее. В «Камине» Хвостовой странница признается:

...дружески прощаюсь с каждым камнем, на котором часто светлые
ночи просиживала; с каждым густым деревом, на которое часто сматривала
[Хвостова: 73].

В поэтическом преломлении Готовцевой этот эпизод транспонируется в форму риторических обращений героини к явлениям финской природы, навеянных пантеистическими представлениями древних язычников:

Прости, печальная страна! Простите, сосны вековые,
Под коими любила я смотреть на звёзды золотые!

Простите, камни и Кюмень с извилистыми берегами!
К предметам новым я стремлюсь и дружески прощаюсь с вами [Готовцева 2005: 56].

Далее полет воображения героинь Хвостовой и Готовцевой приводит их в «дремучие леса» и «грозные горы» Шотландии, на родину легендарного кельтского барда Оссиана, жившего в III в. нашей эры. Обе писательницы используют прием вживания в мир образов и сюжетов, созданных в поэмах Оссиана. Они создают иллюзию интимного соприкосновения странствующей героини с Оссианом и его персонажами. У Хвостовой:

Там с дикими пастухами, кожей диких зверей согреваемыми, прохожу дебри и горы — ищу на песке следов храброго войска Фингала: сижусь с его героями вокруг пня дубового, внимаю победоносному Бардов пению, и ловлю в воздухе унылый звук печальных песней Оссиана [Хвостова: 73].

В стихотворении Готовцевой:

С шотландским диким пастухом на верх крутой горы взбираюсь.
Фингала храброго следы ищу я на песках сыпучих,
Пылает грудь, и я сижусь в беседе витязей могучих,
Внимаю бардов мирный глас среди победоносна стана
И эхо в воздухе ловлю печальных песней Оссиана [Готовцева 2005: 57].

У обеих писательниц кульминацией лирического повествования о встрече с миром Оссиана становится создание образа Друида, жреца древних кельтов, готовящегося совершить таинственный религиозный обряд жертвоприношения, пугающий героиню. И Хвостова, и Готовцева для описания его психологического портрета не жалеют романтически сгущенных красок. В «Отрывке» Хвостовой:

...и дикий голос Друида раздаётся в мрачной пещере. Огненные глаза сверкают сквозь седые волосы, висящие по утрюмому лицу его, и глас подобный грому подземному требует страшной жертвы страшному Богу [Хвостова: 74].

А вот каким представлен Дриид в стихотворении Готовцевой:

В ущельях воеет хладный ветер, я слышу страшны заклинанья,
Дриид ужасным Божествам готовит страшные закланья.
Угрюмо, пасмурно чело, сверкают ярко грозны очи,
И голос, как подземный гром смущает тишину полночи [Готовцева
2005: 57].

«Отрывок» Хвостовой содержит большее, по сравнению со стихотворением Готовцевой, количество реминисценций из песен Оссиана. В нем, например, по-своему пересказывается эпизод, в котором Оссиан совместно с «нежной Мальвиной» оплакивает своего погибшего сына Оскара [Хвостова: 74], чего нет в произведении Готовцевой.

Бессспорно, создавая в своем «Камине» фрагмент, посвященный легендарному кельтскому барду, Хвостова вписывает свою главку в обширный «Оссианический текст»¹ русской литературы, имевший, как убедительно показал Ю. Д. Левин [Левин.], колоссальное значение для развития отечественного художественного сознания. Более того, как подчеркивает исследователь, «с легкой руки Хвостовой воображаемые полеты в дикую Шотландию на поиски Оссиана и его героев становятся своего рода бродячим сюжетом сентименталистов» [Левин: 43]. Показательно, что от Хвостовой этот «бродячий сюжет» наследует и поэтесса Готовцева.

Однако в оссиановском фрагменте Хвостовой, очевидно, есть и смысловые подтексты, связанные с идейными исканиями русских масонов. В своей монографии Левин отмечает, что именно литераторы-масоны в России стали первопроходцами в деле освоения и распространения песен Оссиана. По его словам, ими «был сразу же замечен первый полный французский перевод поэм Оссиана, выполненный Пьером Летурнером и опубликованный в 1777 г.» [Левин: 20]. В качестве доказательства исследователь приводит письмо М. Н. Муравьева к отцу от 15 августа 1777 г., где тот сообщает о намерении княжны

¹ Симптоматично, что рецепция образного мира легендарного кельтского барда, запечатлённая в «Камине» Хвостовой, так или иначе, диалогически соотносится с «Отрывком из Оссиана» В. Л. Пушкина, опубликованного в том же номере журнала «Приятное и полезное препровождение времени» [Пушкин В. Л.].

Е. С. Урусовой, высказанном на обеде у М. М. Хераскова, переводить отрывки поэм Оссиана для масонского журнала «Утренний свет», издававшегося Н. И. Новиковым [Левин: 20]. Активным же сотрудником этого издания был дядя А. П. Хвостовой — М. М. Херасков.

О масонской «оптике» первого полного перевода «Песен Оссиана» с книги Летурнера, осуществленного в 1792 г. Е. Костровым [Оссиан], тесно связанным с М. М. Херасковым, пишет и Р. Евстифеева. Исследовательница приходит к этому заключению в результате изучения рукописных помет на экземпляре песен Оссиана (в переводе Кострова), хранящемся в Тургеневской библиотеке в Париже [Евстифеева]. Рецепция Оссиана Хвостовой, несомненно, формировалась в духовном поле притяжения ее дяди М. М. Хераскова, отсюда — ее масонские коннотации. Что касается Готовцевой, то она в своем стихотворении последовательно сохранила образно-мотивный рисунок оссиановского эпизода из прозаического «Камина». Но пока трудно сказать, знала ли поэтесса о масонском коде этого фрагмента, известном как Хвостовой, так и Бартеневу.

Знаменательно, что последним пунктом духовного странствия героинь Хвостовой и Готовцевой становится родительский дом, наполненный семейной любовью и теплотой. Причем в «Камине» Хвостовой родное пространство конкретизировано, точно определено: «...возвращаюсь мыслями в Москву. Вижу себя в доме родительском, в объятиях моего семейства...» [Хвостова: 75]. В стихотворении же Готовцевой не используется никакой реальный топоним. Судя по всему, поэтессе важнее передать само чувство радости, которое испытывает героиня, возвращаясь на родину, соприкасаясь с питательной духовной почвой, которая ее взрастила: «О Родина! Лечу к тебе и в сладком счастья упоении, / Под кровом отчим, средь друзей, вкушаю рай соединенья» [Готовцева 2005: 57].

В финале своего стихотворения Готовцева сохраняет канву лирического повествования, прочерченную в «Камине» Хвостовой. Она поэтически воссоздает эпизод воображаемого, но поражающего своей трогательностью прощания героини со старым отцом и завершает произведение ее обращением к друзьям, полным патетики и, по сути, звучащим как предсмертное завещание [Хвостова: 75–77]: «Друзья! Когда печальну жизнь в стране окончу отдаленной, / Придите посетить мой гроб, ничьей слезой не орошенной. / С холма могильного цветов

зелёной травки вы нарвите / И нежному отцу сей дар с печальной вестью отнесите» [Готовцева 2005: 57]. Но при этом Готовцева выражает мысли и чувства страдающей героини более лаконично, находит более сдержанные интонации для ее финального монолога. Поэтесса отфильтровывает избыточную экзальтацию прозаического «Камина»: мастерски умеряет гиперболизированную сентиментальность и меланхолическую окраску лиризма Хвостовой.

Итак, можно с уверенностью заключить: создание Готовцевой поэтического «конспекта» «Камина» Хвостовой было мотивировано духовным влиянием Бартенева и расширило ее творческий кругозор. Оно, несомненно, обогатило диапазон лирической поэтики Готовцевой. В творческой жизни Готовцевой Бартенев если и не сыграл роль, подобную мифологическому Пигмалиону, то, во всяком случае, он владел особым камертоном, позволяющим точно «настроить» лиру поэтессы. Именно Бартенев во многом содействовал тому, чтобы в ее стихах отчетливо отзывался только «сердца чистый звук» [Северные цветы: 179], так восхитивший Вяземского.

Последний зафиксированный исследователями контакт Готовцевой с Бартевым был связан с отправкой в Москву по почте ее тетради со стихами. По свидетельству Вацура, в ней есть помета: «Москва, 1851» [Вацура: 205]. По предположению Бочкова, Готовцева надеялась на то, что Бартенев поможет ей издать сборник стихотворений, чего не произошло. На этом след Бартева в творчестве Готовцевой теряется. Как поэт его бывшая ученица умолкает, целиком уходя в семейную жизнь. Но важно то, что она передает творческую эстафету своей племяннице Ю. В. Жадовской, которая станет известной в России писательницей. При этом трудно сказать, как сложилась бы творческая судьба Жадовской, если бы ей не оказал мощную поддержку тот же Бартенев. Он стал для Жадовской не только наставником, вдохновителем и ангелом-хранителем, как для Готовцевой, но и расширил круг ее литературных знакомств, взял на себя решение многих проблем, связанных с изданием ее произведений. Об этом красноречиво говорят письма Жадовской Бартеву, написанные в период с 1845 по 1852 гг. [Письма Юлии Валерьяновны Жадовской].

В конечном счете, не будет преувеличением сказать, что в русской литературе 1820–1850 гг. Бартенев выполнял особую миссию, вдохновляя, стимулируя и поддерживая женское литературное творчество. Ведь свой

заметный след Бартенева оставил в творчестве не только первой профессиональной русской поэтессы Готовцевой, но и в духовно-нравственных и художественных исканиях Хвостовой, Жадовской, Ростопчиной.

Список литературы

Источники

- Вяземский П. А.* Отрывок из письма к А. И. Г-ой // Денница на 1830 год: альманах, изданный М. Максимовичем. М.: В университетской тип., 1830. С. 122–134.
- Вяземский П. А.* Письма к жене за 1831–1832 гг. // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1951. Т. 9. С. 213–468.
- Готовцева А. И.* Одиночество (перевод из Ламартина) // Сын Отечества. 1826. Ч. 106, № 5. С. 107–109.
- Готовцева А. И.* Стихотворения // «Прелестный дар, перо поэта...»: Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. Кострома: Губернский дом, 2005. С. 21–74.
- Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века:* галльские стихотворения: в 2 ч. / пер. с франц. Е. Кострова. М.: В университетской тип. у В. Огорокова, 1792.
- Письма князя П. А. Вяземского к Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1897. Кн. 3. С. 283–286.
- Письма Юлии Валерьяновны Жадовской Ю. Н. Бартенева, 1845–1852 // Шукинский сборник: М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905. С. 311–359.
- Попов Г. О* Ю. Н. Бартенева // Шукинский сборник. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. Вып. 1. С. 334–335.
- Пушкин А. С.* Письма / под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1: 1815–1825. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 539 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14: Переписка, 1828–1831. 1941. 547 с.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. / примеч. проф. Б. В. Томашевского. Л.: Наука, 1977–1979.
- Пушкин В. Л.* Отрывок из Оссиана. Колма // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 6. С. 117–119.
- Рассказы князя Александра Николаевича Голицына. Из Записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. № 7. С. 305–333.
- Северные цветы на 1829 год. СПб.: В тип. департамента народного просвещения, 1828. 207 с.
- Сталь Анна Луиза Жермена де.* Коринна, или Италия / пер. с франц.: в 6 ч. М.: В университетской тип., 1809. Ч. 1. 174 с.
- Хва — а. А — а.* Камин. Отрывок // Приятное и полезное препровождение времени. 1795. Ч. 6. С. 68–78.
- Юрий Никитич Бартенева (по его бумагам) // Русский архив. 1897. Кн. 3. С. 395–432, 614–659.

Staël-Holstein Germaine de. Corinne ou l'Italie / par Mad. de Staël Holstein. Paris: A la librairie stéréotype, chez H. Nicolle, 1807. Т. 1. 445 p.

Исследования

Бочков В. Н. Квакер Беверлей // Бочков В. Н. Костромские спутники Пушкина: историко-художественные очерки: юбилейный выпуск журнала «Губернский дом». Кострома: Губернский дом, 2002а. С. 124–140.

Бочков В. Н. «Твой недосказанный упрек» // Бочков В. Н. Костромские спутники Пушкина: историко-художественные очерки: юбилейный выпуск журнала «Губернский дом». Кострома: Губернский дом, 2002б. С. 141–154.

Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Мир, 1932. 246 с.

Быстрова Т. А. Марина Цветаева и роман Ж. де Сталь «Коринна, или Италия»: к комментарию двух стихотворений // Вестник РГГУ. Серия: Литература. Фольклористика. 2007. № 7. С. 147–152.

Вацуро В. Э. Пушкинский альманах // Вацуро В. Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 83–117.

Гречаная Е. П. Литературное взаимодействие Франции и России и культурное самоопределение (конец XVIII века – первая четверть XIX века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.

*Евстифеева Р. Барды и масоны: о рукописных пометах на экземпляре *Оссиана* в Тургеневской библиотеке (Париж) // L'Analisi Linguistica e Letteraria. 2022. № 3. С. 111–124.*

Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православно-опозиция (1801–1825) // Александр I: pro et contra (Образ Александра I в культурной памяти об Отечественной войне 1812 года), антология / сост., вступ. ст., коммент. Е. В. Анисимова. СПб.: РХГА, 2012. С. 713–752.

Кондаков Ю. Е. Мистик у трона (Биография князя А. Н. Голицына). М.: Ганга, 2023. 492 с.

Кондаков Ю. Е. Розенкрейцерское окружение князя А. Н. Голицына: А. И. Ковальков, П. Д. Маркелов, Ю. Н. Бартенев // Кондаков Ю. Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII – первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 322–351.

Костин А. А. Материалы к биографии А. П. Хвостовой // XVIII век: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб.: Наука, 2011. С. 499–539.

Костин А. А. Хвостова // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. С. 335–339.

Кумпан К. А. Об одном текстологическом казусе // Новое литературное обозрение. 1992. № 2. С. 242–246.

Лебедев Ю. В. Анна Ивановна Готовцева // Лебедев Ю. В., Романова А. Н. Литература Костромского края. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века: учебное пособие. Кострома: КГУ, 2018. С. 99–111.

Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XIII – первая треть XIX века). Л.: Наука, 1980. 212 с.

Лосев А. Ф. Прометей // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 337–340.

Модзалевский Б. Л. Автограф «Мадонны» в альбоме Ю. Н. Бартенева // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911, Вып. 15. С. 21–26.

Модзалевский Б. Л. Альбом Юрия Никитича Бартенева // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. Т. 15, кн. 4. С. 200–221.

Модзалевский Б. Л. Примечания к письмам № 193–391, за 1826–1830 гг. // Пушкин А. С. Письма / под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 2: 1826–1830. С. 129–399.

Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 5.01.2024).

Путеводитель по Пушкину. М.; Л.: Худож. лит., 1931. 399 с.

Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Прага: Огни, 1916. 484 с.

Романова А. Н. Собеседница поэтов Анна Готовцева. К истории литературных отношений пушкинской эпохи // Литература в школе. 2020. № 2. С. 62–75. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2020-2-62-75>

Сапрыгина Е. Вступительная статья // «Прелестный дар, перо поэта...»: Стихи А. Готовцевой и Ю. Жадовской. Кострома: Губернский дом, 2005. С. 3–18.

Серков А. И. Русское масонство 1731–2000: энциклопедический словарь. М.: Росспэн, 2001, 1224 с.

Сизинцева Л. И. Церковные предметы и музейная деятельность на Костромской земле: аксиологический аспект // Музейный хронограф 2013. Сб. ст. и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника. Кострома: Костромаиздат, 2013. С. 65–89.

Томашевский Б. В., Вольперт Л. И. Сталь // Пушкин: исследования и материалы. СПб.: Наука, 2004. Т. 18–19: Пушкин и мировая литература: материалы к Пушкинской энциклопедии. С. 318–320.

Трессидер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.

Черейский Л. А. Бартнев // Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / отв. ред. В. Э. Вацура. Л.: Наука, 1989. С. 27–28.

Черневич М. Н. Жизнь и творчество Жермены де Сталь // Сталь Ж. де. Коринна, или Италия / пер. с франц., послесл. и коммент. М. Н. Черневич. М.: Наука, 1969. С. 387–410.

Чуринова Н. В. Женское творчество в «альманашный период» русской литературы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 203 с.

References

Bochkov, V. N. “Kvaker Beverlei” [“Quaker Beverly”]. Bochkov, V. N. *Kostromskie sputniki Pushkina: istoriko-khudozhestvennye ocherki: iubileinyi vypusk zhurnala “Gubernskii dom”* [Kostroma Companions of Pushkin: Historical and Artistic Essays: Anniversary Issue of the Journal “Gubernsky Dom”]. Kostroma, Gubernskii dom Publ., 2002a, pp. 124–140 (In Russ.)

Bochkov, V. N. “Tvoi nedoskazannyi uprek” [“Your Unsaid Reproach”]. Bochkov, V. N. *Kostromskie sputniki Pushkina: istoriko-khudozhestvennye ocherki: iubileinyi vypusk zhurnala “Gubernskii dom”* [Kostroma Companions of Pushkin: Historical and Artistic Essays: Anniversary Issue of the Journal “Gubernsky Dom”]. Kostroma, Gubernskii dom Publ., 2002b, pp. 141–154. (In Russ.)

Brodskii, N. L. *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina “Evgenii Onegin”* [Commentary on A. S. Pushkin’s Novel “Eugene Onegin”]. Moscow, Mir Publ., 1932. 246 p. (In Russ.)

Bystrova, T. A. “Marina Tsvetaeva i roman Zh. De Stal’ ‘Korinna, ili Italiia’: k kommentariiu dvukh stikhotvorenii” [“Marina Tsvetaeva and the Novel by J. de Stael ‘Corinna, or Italy’: on the Commentary of Two Poems”]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriia: Literatura. Fol’kloristika*, no. 7, 2007, pp. 147–152. (In Russ.)

Vatsuro, V. E. “Pushkinskii al’manakh” [“Pushkin Almanac”]. Vatsuro, V. E. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2004, pp. 83–117. (In Russ.)

Grechanaia, E. P. *Literaturnoe vzaimodeistvie Frantsii i Rossii i kul’turnoe samopredelenie (konets XVIII veka – pervaiia chetvert’ XIX veka)* [Literary Interaction Between France and Russia and Cultural Self-Determination (Late 18th Century – First Quarter of the Qentury19th Century): DSc Thesis, Summary]. Moscow, 2003. 36 p. (In Russ.)

Evstifeeva, R. “Bardy i masony: o rukopisnykh pometakh na ekzempliare Ossiana v Turgenevskoi biblioteke (Parizh)” [“Bards and Freemasons: About Handwritten Notes on a Copy of Ossian in the Turgenev Library (Paris)”]. *L’Analisi Linguistica e Letteraria*, no. 3, 2022, pp. 111–124. (In Russ.)

Kondakov, Iu. E. “Dukhovno-religioznaia politika Aleksandra I i russkaia pravoslavnaia oppozitsiia (1801–1825)” [“Spiritual and Religious Policy of Alexander I and the Russian Orthodox Opposition (1801–1825)”]. *Aleksandr I: pro et contra (Obraz Aleksandra I v kul’turnoi pamiati ob Otechestvennoi voine 1812 goda), antologiiia* [Alexander I: Pro et Contra (The Image of Alexander I in the Cultural Memory of the Patriotic War of 1812), Anthology], comp. by E. V. Anisimov. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2012, pp. 713–752. (In Russ.)

Kondakov, Iu. E. *Mistik u trona (Biografiia kniazia A. N. Golitsyna)* [Mystic at the Throne (Biography of Prince A. N. Golitsyn)]. Moscow, Ganga Publ., 2023. 492 p. (In Russ.)

Kondakov, Iu. E. “Rozenkreiterskoe okruzhenie kniazia A. N. Golitsyna: A. I. Koval’kov, P. D. Markelov, Iu. N. Bartenev” [“Rosicrucian Entourage of Prince A. N. Golitsyn: A. I. Kovalkov, P. D. Markelov, and Yu. N. Bartenev”]. Kondakov, Iu. E. [Rozenkreitser, martinisty i “vnutrennie khristiane” v Rossii kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka [Rosicrucians, Martinists and “Internal Christians” in Russia at the End

of the 18th Century – the First Quarter of the 19th Century]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2011, pp. 322–351. (In Russ.)

Kostin, A. A. “Materialy k biografii A. P. Khvostovoi” [“Materials for the Biography of A. P. Khvostova”]. *XVIII vek: Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka* [18th Century: Old and New in the Russian Literary Consciousness of the 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 499–539. (In Russ.)

Kostin, A. A. “Khvostova” [“Khvostova”]. *Slovar’ russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century], issue 3. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 335–339. (In Russ.)

Kumpan, K. A. “Ob odnom tekstologicheskom kazuse” [“About One Textual Incident”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2, 1992, pp. 242–246. (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. “Anna Ivanovna Gotovtseva” [“Anna Ivanovna Gotovtseva”]. Lebedev, Iu. V., and A. N. Romanova. *Literatura Kostromskogo kraia. Vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX veka: uchebnoe posobie* [Literature of the Kostroma Region. Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century: Textbook]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, pp. 99–111. (In Russ.)

Levin, Iu. D. *Ossian v russkoi literature (konets XVIII – pervaiia tret’ XIX veka)* [Ossian in Russian Literature (The End of the 13th – the First Third of the 19th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 212 p. (In Russ.)

Losev, A. F. “Prometei” [“Prometheus”]. *Mify narodov mira: entsiklopediia: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols.], vol. 2, ed. by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1982, pp. 337–340 (In Russ.)

Modzalevskii, B. L. “Avtograf ‘Madonny’ v al’bome Iu. N. Barteneva” [“Autograph of ‘Madonna’ in the Album of Yu. N. Bartenev”]. *Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniia* [Pushkin and his Contemporaries. Materials and Research], issue 15. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1911, pp. 21–26. (In Russ.)

Modzalevskii, B. L. “Al’bom Iuriiia Nikiticha Barteneva” [“Album of Yuri Nikitich Bartenev”]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk* [Bulletin of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], vol. 15, book 4. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1910, pp. 200–221. (In Russ.)

Modzalevskii, B. L. “Primechaniia k pis’mam № 193–391, za 1826–1830 gg.” [“Notes to Letters no. 193–391, for 1826–1830”]. *Pushkin, A. S. Pis’ma* [Letters], vol. 2: 1826–1830 [1826–1830], ed. by B. L. Modzalevskii. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo Publ., 1928, pp. 129–399. (In Russ.)

Pravoslavnaia entsiklopediia pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseia Rusi Kirilla [Orthodox Encyclopedia Edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Rus’]. Available at: <https://www.pravenc.ru/> (Accessed 5 January 2024). (In Russ.)

Putevoditel’ po Pushkinu [Guide to Pushkin]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1931. 399 p. (In Russ.)

Pypin, A. N. *Religioznye dvizheniia pri Aleksandre I* [Religious Movements Under Alexander I], foreword and notes by N. K. Piksarov. Petrograd, Ogni Publ., 1916. 484 p. (In Russ.)

Romanova, A. N. “Sobesednitsa poetov Anna Gotovtseva. K istorii literaturnykh otnošenii pushkinskoi epokhi” [“Anna Gotovtseva, the Interlocutor of Poets. On the History of Literary Relations of the Pushkin Period of Russian Literature”]. *Literatura v shkole*, no. 2, 2020, pp. 62–75. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2020-2-62-75> (In Russ.)

Saprygina, E. “Vstupitel’naia stat’ia” [“Introductory Article”]. *“Prelestnyi dar, pero poeta...”: Stikhi A. Gotovtsevoi i Iu. Zhadovskoi* [“A Lovely Gift, a Poet’s Pen...”: Poems by A. Gotovtseva and Y. Zhadovskaya]. Kostroma, Gubernskii dom Publ., 2005, pp. 3–18. (In Russ.)

Serkov, A. I. *Russkoe masonstvo 1731–2000: Entsiklopedicheskii Slovar’* [Russian Freemasonry, 1731–2000: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Rosspen Publ., 2001. 1224 p. (In Russ.)

Sizintseva, L. I. “Tserkovnye predmety i muzeinaia deiatel’nost’ na Kostromskoi zemle: aksiologicheskii aspekt” [“Church Objects and Museum Activities on the Kostroma Land: An Axiological Aspect”]. *Muzeinyi khronograf 2013. Sbornik statei i materialov sotrudnikov Kostromskogo muzeia-zapovednika* [Museum Chronograph 2013. Collection of Articles and Materials by Employees of the Kostroma Museum-Reserve]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2013, pp. 65–89. (In Russ.)

Tomashevskii, B. V., and L. I. Vol’pert. “Stal” [“Stael”]. *Pushkin: issledovaniia i materialy* [Pushkin: Research and Materials], vol. 18–19: Pushkin i mirovaia literatura: materialy k Pushkinskoi entsiklopedii [Pushkin and World Literature: Materials for the Pushkin Encyclopedia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 318–320 (In Russ.)

Tressider, Dzh. *Slovar’ simvolov* [The Dictionary of Symbols]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 1999. 448 p. (In Russ.)

Chereiskii, L. A. “Bartenev” [“Bartenev”]. Chereiskii, L. A. *Pushkin i ego okruzhenie* [Pushkin and His Circle]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 27–28. (In Russ.)

Chernevich, M. N. “Zhizn’ i tvorchestvo Zhermeny de Stal” [“Life and Work of Germaine de Stael”]. Stal’, Zhermena de. *Korinna, ili Italiia* [Corinna, or Italy], trans. from French, afterword and comm. by M. N. Chernevich. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 387–410. (In Russ.)

Chuprinova, N. V. *Zhenskoe tvorchestvo v “al’manashnyi period” russkoi literatury* [Women’s Creativity in the “Almanac Period” of Russian Literature: PhD Thesis]. Moscow, 2018. 203 p. (In Russ.)